

Ю.И. АРХИПОВ (МОСКВА)

РЫЦАРЬ РИСКА (ЭРНСТ ЮНГЕР)

В предисловии к этой книге переводчик её Владимир Микушевич назвал Юнгера олицетворением минувшего века. Видимо, справедливо. Хотя и смахивает на натяжку: ведь «олицетворение» предполагает массовость, типичность явления. А в своём главном, личностном, Эрнст Юнгер (1895–1998) исключителен, единичен. Редьярд Киплинг или Николай Гумилёв всё-таки слишком слабые, расплывчатые уподобления. Константин Леонтьев и Ницше (также упомянутые в статье) – тени предков погуще, но они теоретики, рыцари письменного стола. А тут надо представить себе синтез вполне небывалый: сорвиголову Отто Скорцени, сошедшего с философской кафедры немецкого университета. И на уровне Гегеля обосновывающего разумную необходимость рукопашной самой что ни на есть brutальной. Да так, что сам Мартин Хайдеггер, ведущий философ века, ищет совета и собеседования в переписке.

Восемнадцать лет, начитавшись Достоевского, Юнгер сбегает во французский иностранный легион, чтобы раззудить плечо на прародине человечества – в Африке. В двадцать он доброволец на первой мировой – по призыву «рискующего сердца», для которого нет упоения хмельнее и слаще, чем бой. («Бой как внутреннее переживание» – такую напишет он книгу, одну из важнейших в итоговом двадцатитомнике). И по убеждению – ибо он самый заядлый националист, хотя в то же время и самый решительный антинацист гитлеровского толка. У тех на уме превосходство «породы», расы, и мировое господство, у него – честь и традиция, добытые тысячелетним вынашиванием и отстаиванием собственного лица народа, особенностей его культуры.

На фронте Юнгер был не просто храбр, его отвага была на грани безумия. Разведгруппа, которой он командовал, стала легендарной. Под его началом она превратилась в ударную роту, постоянно брошенную в самое пекло. Сам Юнгер был многожды ранен, семь раз – тяжело. На операционном столе военного госпиталя, на волоске между жизнью и смертью он тоже «втягивался в водоворот старинных мелодий» – как герой его первой повести «Лейтенант Штурм», открывающей сборник. Тех мелодий, в которых улавливались отзвуки мифологием родной культуры, вобравшей в себя вклады Якоба Бёме, Дюрера, Баха, Гёте, Гёльдерлина, Ницше. «Голубой цветок» Новалиса как знак – то ли на погоны, то ли на памятник, это уж как фишка ляжет. Юнгера она увенчала всем набором высших военных наград Германии, включая основанный Фридрихом Великим «Пур лё мерит»: Юнгер стал последним в истории рыцарем этого почётнейшего ордена. Не обошли его, конечно, и литературные отличия: так, к своему столетию он получил Немецкую премию имени Гёте, с которым его соединила и общая издательская марка – штутгартского Клетта. (И мафусаильский возраст которого он превзошёл на целых двадцать лет!)

В 1920 году вышла книга фронтовых дневников Юнгера «В стальных грозах», накопившая к нашему времени десятки изданий в Германии и сотни во всём мире. Её нередко сравнивали с книгой Ремарка «На западном фронте без перемен». Сравнивали, противопоставляя. «Гуманистический туман» пацифиста Ремарка всегда казался Юнгере чем-то дрябло интеллигентским, поверхностно бабским. Гётевское «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой» было для Юнгера элементарным требованием духовной гигиены. Да, сильнейший выживает, по Юнгере, для господства – но над самим собой и над хаосом жизни. А побеждённому, если он сражён в открытом и честном бою, оказывается высокая честь: взойти в пантеон героев. Ведь сражаются на поле боя, как правило, не добро и зло, а две ипостаси объективного бытия. Заслуживающие взаимного уважения, если сделали всё для победы. Над письменным столом Юнгера среди гербариев с жуками и бабочками восемьдесят лет висела проржавевшая за эти длинные годы каска английского образца. «Просто я оказался быстрее», – давал писатель своим гостям спокойные пояснения.

Нигилизм Юнгера нередко шокировал обозревателей-прогрессистов, становился притчей во языцех мировой публицистики. Апологию своих взглядов оставил не только в своих работах – в частности, в книге «Рискующее сердце», считающейся его личным стилистическим шедевром. (Эту свою книгу Юнгер переписал дважды, отшлифовал до блеска – как доводил до блеска свои сапоги, по которым любил постукивать стеклом, стоя под пулями.) Жертвенный подвиг солдата Юнгер ставил иной раз выше всех произведений культуры – перспективней для созидательных накоплений крови, этой таинственной, мистически окрашенной материи. Как у духовного наставника своего Ницше или у величайшего поэта в своём поколении Бенна, нигилистический витализм Юнгера вырос из глубокого интереса к биологии, естествознанию. И военные образы и пристрастия его того же происхождения. Недаром, склоняясь над микроскопом, он сравнивал этот инструмент с пушками и в своих эссе любил упомянуть о том, что на военной службе Ницше был артиллеристом.

Да, отстаивая сладостную сущность борьбы как сердцевины жизни, Юнгер входил в опасную близость к современным сокрушителям общепринятых моральных устоев. В его текстах готовы искать оправдания не только рыцари, но иной раз и террористы. Или какие-нибудь осквернители памятников «чужой» культуры. Но вот разница: те действуют исподтишка и пакостят, дабы только привлечь к себе внимание, стяжать «славу», ничем не рискуя, – как приснопамятные мазины на недавней выставке псевдоискусства, сводившегося к кощунству. А Юнгер во время второй мировой войны, когда был пресс-секретарём маршала Роммеля, если уж и щеголял фразами типа того, что, мол, с эстетической точки зрения нет, может быть, ничего прекраснее мгновенного разрушения памятников тысячелетней культуры, то и выходил во время бомбёжки Парижа с бокалом вина на крышу – подставляя собственную голову под эти самые бомбы. А наши «сокрушители устоев» бегут потом в суд и Союз журналистов жаловаться на тех, кто их обличает в печати.

Составитель и переводчик этой приметной книги В. Микушевич включил в неё еще и такие важные для понимания Юнгера, «словарно» выстроенные статьи, как «Революция», «Пацифизм», «Национализм», «Кровь», «О духе». Завершает подбор рецензия немецкого классика на книгу воспоминаний Троцкого – того, за кем он, как и за судьбой русской революции, да и России в целом, следил всегда с пристальным интересом.

При всех естественных претензиях к нынешнему времени нельзя не порадоваться тому, что такие профильные для минувшего века фигуры предстают ныне в аутентичных переводах. Каких-нибудь двадцать лет назад об этом нельзя было и помыслить.

Что до Юнгера, то заслуги в его русском освоении принадлежат пока почти исключительно питерскому издательству «Владимир Даль». Будем надеяться, что оно не остановится на пяти уже выпущенных им книгах немецкого мастера. Ведь обидными пробелами всё ещё зияют такие важные его работы как: «Рабочий» – наиболее убедительный, может быть, опыт философии техники как основы современной цивилизации.

«Мир» и «Гордиев узел» – трактаты о мировой геополитике.

«Листья и камни» и «Чувствительная охота» – свод натурфилософских проникновений к утешительному миру микрокосмоса.

«Автор и авторство» – тщательно разработанная типология писательского ремесла.

«У стены времени» – попытка снятия противостояния рации и интуиции в футурологическом проспекте грядущего.

Словом, будущие встречи с Юнгером не за горами.

Эрнст Юнгер. Рискующее сердце.

Перевод с немецкого, составление, вступительная статья и комментарии В.Б. Микушевича.